

Подросток: отклоняющееся поведение и возрастной кризис*

В.С. Собкин, З.Б. Абросимова,
Д.В. Адамчук, Е.В. Баранова

1. Приобщенность подростков к курению, употреблению алкоголя и наркотиков. В ходе опроса мы попытались выявить особенности поведенческой активности подростка относительно курения, употребления алкоголя и наркотиков. Анализ полученных данных обозначил одну общую для всех рассматриваемых нами видов девиаций тенденцию, которая состоит в том, что на рубеже 9-го класса резко возрастает число курящих учащихся, а также тех, кто систематически употребляет алкоголь и наркотики (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Возрастная динамика учащихся, приобщенных к курению, систематическому употреблению алкоголя (раз в неделю и чаще) и наркотиков (% от общего числа опрошенных)

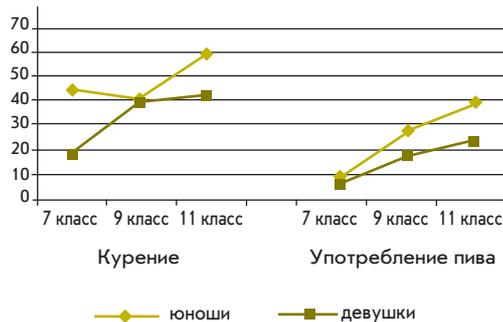
Подобное резкое изменение числа подростков, демонстрирующих девиантное поведение, среди девятиклассников, на наш взгляд, не случайно. В связи с этим отметим два принципиально значимых для понимания подростковой девиации момента. Во-первых, само увеличение доли девиантов

совпадает с этапом начала подросткового кризиса. Во-вторых, можно говорить о девиации как об особом «способе разрешения» самими подростками кризисной ситуации. В то же время мы фиксируем фундаментальные изменения подростковой субкультуры, когда девиация, в силу факта ее распространенности, становится «нормой». Для значительной части подростков девиация выполняет функцию обряда возрастной инициации, обуславливая их переход во «взрослость». Подобная ситуация не может рассматриваться как культуросообразная для перехода на новый возрастной этап развития. И в этом отношении **особой педагогической задачей оказывается выстраивание культуросообразных, позитивных моделей подростничества.**

Зафиксировав проблему девиации как форму проявления, но отнюдь не содержательного «разрешения» возрастного кризиса, стоит отметить весьма существенные гендерные различия. Проиллюстрируем это на примерах, касающихся курения и употребления пива (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

Возрастная динамика увеличения числа интенсивно курящих и употребляющих пиво у юношей и девушек (% от числа опрошенных в каждой возрастной параллели)

Как видно, в отношении употребления пива возрастная динамика у юношей и девушек в целом схожа. В качестве различий здесь можно говорить лишь о все большей распространенно-

* Статья основана на материалах анкетного опроса 2983 учащихся 7, 9 и 11-х классов московских общеобразовательных школ, проведенного ЦСО РАО в 2001 г.

сти данной формы поведения среди юношей. Относительно курения возрастная динамика иная. Так, если среди курящих мальчиков-семиклассников доля интенсивных курильщиков (выкуривающих в день полпачки и более) составляет 43,2%, то среди девочек-семиклассниц таких в два раза меньше – 18,6%. Иными словами, мальчики приобщаются к интенсивному курению на более ранних возрастных этапах, чем девочки. Эта форма девиации выступает у них как проявление более раннего этапа возрастного кризиса, который по своему содержанию носит иной характер, чем собственно подростковый.

2. Алкоголь, наркотики и агрессивное поведение. Проявления физической агрессии в подростковой среде можно оценивать с разных точек зрения: с одной стороны, как элемент процесса социализации, адаптации к жизни в коллективе, а с другой – несомненно, как девиацию, особенно если проявления агрессии осложнены склонностью подростка к другим формам отклоняющегося поведения.

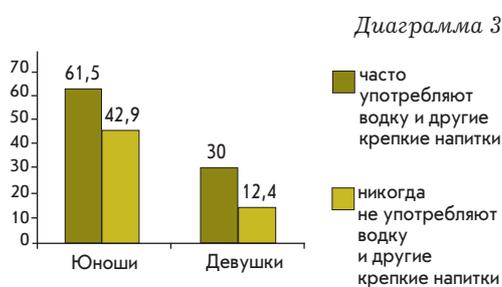
В связи с этим рассмотрим проявления физической агрессии в подростковой субкультуре.

Итак, насколько распространены драки в современной подростковой среде? На вопрос «Дрались ли Вы за последние два месяца?» практически половина опрошенных нами подростков (44,1%) ответила, что вообще никогда не дерется. Чуть меньше доля тех, кто за данный временной период в драках «не участвовал» (27,9%). И 28,1% респондентов указали на то, что они участвовали в драках (причем среди юношей драки распространены в гораздо большей степени, чем среди девушек).

Рассматривая возрастную динамику участия в драках, следует отметить, что доля «вообще не дерущихся» с возрастом практически не меняется (среди юношей в 7-м классе 28,0%, а в 11-м – 23,3%; среди девушек, соответственно, 65,4 и 62,6%). В то же время среди юношей с возрастом существенно снижается доля тех, кто

дерется достаточно часто. Среди девушек значительных изменений здесь не происходит. Полученные материалы показывают, что среди них складывается достаточно устойчивый тип поведения, для которого выяснение отношений с помощью физической агрессии является нормой. При этом важно обратить внимание на то, что этой нормы разрешения конфликтов придерживается примерно каждая десятая девушка. На наш взгляд, это крайне высокий процент, а само явление распространенности драк среди девушек можно рассматривать, как «новообразование» женской подростковой субкультуры периода 90-х годов.

Перейдем теперь к вопросу о влиянии приобщенности подростков к девиантным формам поведения (употреблению алкоголя и наркотиков) на проявление ими физической агрессии. На диаграмме 3 приведены данные об участии в драках юношей и девушек, активно приобщенных к употреблению водки и других крепких спиртных напитков (пьющих раз в неделю и чаще), и тех, кто не употребляет крепких спиртных напитков.

Полученные данные однозначно свидетельствуют о том, что приобщенность подростка к частому употреблению крепких спиртных напитков явно влияет на его склонность к проявлению физической агрессии.

Сходная тенденция выявлена и относительно употребления наркотиков: подростки, употребляющие наркотики, гораздо чаще принимают участие в драках (63,6% против 27,6% среди неупотребляющих). Таким образом, можно сделать вывод о взаимосвязи различных форм девиантного поведения

ния (употребление алкоголя, наркотиков, драки), которые можно рассматривать как своеобразный комплекс, определяющий «стиль жизни» группы подростков, склонных к девиации.

3. Мотивация девиантного поведения. При рассмотрении данных о возрастной динамике изменения числа учащихся, склонных к курению, употреблению алкоголя или наркотиков, возникает вопрос о том, как сами подростки определяют мотивы своего поведения. Данные ответов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Мотивы, обуславливающие девиантное поведение
(% от числа учащихся, склонных к проявлению соответствующей девиации)

Мотивация	Курение	Алкоголь	Наркотики
Я испытываю удовольствие	22,8	11,0	50,0
Это облегчает мое общение со сверстниками	9,8	27,3	3,1
Это, на мой взгляд, престижно	3,2	18,9	0,0
Помогает мне снять напряжение (стресс)	69,1	3,7	15,6
Помогает мне уйти от реальности	6,2	6,5	28,1
Позволяет взглянуть старше своего возраста	2,3	57,2	0,0
Употребляют мои друзья	26,8	2,9	3,1
Потому что мне запрещают	5,1	25,1	0,0
Не хочу, чтобы думали, что мне «слабо»	2,4	3,3	0,0
Втянулся(ась), не могу бросить	38,6	1,8	0,0

Очевидно, что мотивация, обуславливающая склонность подростка к девиантному поведению, достаточно четко дифференцирована относительно различных видов девиации. Это дает основание сделать вы-

вод о том, что педагогическая работа по коррекции и профилактике отклоняющегося поведения должна вестись с учетом этих различий.

Для выяснения динамики изменений в мотивации мы провели дополнительный статистический анализ данных. Полученные материалы показывают, что стремление к личностному самоутверждению в ближайшем социальном окружении выступает как значимый мотив, определяющий склонность к таким двум формам девиантного поведения, как курение и употребление алкоголя. Причем пик актуализации данного мотива приходится на 9-й класс, и, по-видимому, в содержательном плане именно актуализация данного мотива и характеризует своеобразие подросткового кризиса, который разворачивается в этот период. Это позволяет сделать общий вывод о своеобразной **трансформации подростковой субкультуры**, когда девиантные формы поведения начинают выступать как **формы разрешения внутренних мотивационных конфликтов**, характерных для подросткового возраста.

4. Девиация и социальная позиция подростка. Под социальной позицией мы подразумеваем такие аспекты социального самоощущения подростка, как сформированность жизненных планов и оценка им успешности своих личностных перспектив.

Естественно, нельзя однозначно утверждать, что обращение подростка к различным девиантным формам поведения напрямую зависит от перечисленных выше аспектов его самосознания и социального самоощущения или, наоборот, что та или иная девиация оказывает влияние на изменение структуры ценностей, сформированность жизненных планов подростка или оценку им успешности своих жизненных перспектив, однако взаимосвязь между этими аспектами существует. Можно предположить, что сама ситуация личностного самоопределения (профессионального, социального,

ценностно-нормативного), характеризующая своеобразие подросткового возраста, которая зачастую сопровождается негативными эмоциями, фрустрацией, возникающей вследствие невозможности адекватного разрешения личностных проблем, и провоцирует обращение подростка к девиации.

Для выяснения различий в ценностных ориентациях между «девиантными» и не склонными к проявлению девиации подростками мы задавали им вопрос, направленный на выявление наиболее значимых для них ценностей. Распределение ответов приведено в табл. 2.

Как видно из приведенных данных, структура ценностей у подростков из девиантных групп в целом весьма схожа. Основные различия обнаруживаются при сравнении «девиантных» ответов подростков с ответами учащихся, не склонных ни к одной из обсуждаемых девиаций.

Так, например, наиболее значимой ценностью для всех опрошенных нами подростков является «здоровье». Однако следует отметить, что среди под-

ростков, не склонных к девиации, доля тех, кто отдает предпочтение «здоровью», значительно выше, чем в девиантных группах. Кроме того, для недевиантных подростков гораздо более значимыми, чем для «девиантов», оказываются такие ценности, как «счастливая семейная жизнь» и «хорошие отношения с родителями».

В ответах же подростков из «девиантных» групп заметно выше доля тех, кто среди наиболее значимых для себя ценностей отмечает такие, как «духовная и физическая близость с любимым человеком», «самостоятельность и независимость», «достижение материального благополучия».

Сравнение ответов позволяет сделать вывод о том, что **структура ценностей не склонных к девиации подростков оказывается более нормативной**. Иными словами, она в большей степени отвечает социальным ожиданиям, которые предъявляются ребенку взрослыми (педагогами, родителями), **но вместе с тем является и более «инфантильной»** по сравнению со структурой ценностей «девиантных»

Таблица 2

Ценностные ориентации	Курящие	Употребляющие алкоголь	Употребляющие наркотики	Не проявляющие в своем поведении девиации
Здоровье	63,6	61,4	51,5	76,4
Успешная профессиональная деятельность	27,2	24,1	24,2	25,0
Духовная и физическая близость с любимым человеком	28,9	31,3	45,5	13,6
Достижение материального благополучия	18,8	22,9	33,3	14,7
Наличие близких друзей	40,0	45,8	30,3	38,5
Повышение своего культурного уровня	2,1	0,0	3,0	5,7
Самостоятельность и независимость	20,8	22,9	36,4	10,6
Счастливая семейная жизнь	30,9	19,3	12,1	38,3
Возможность творческой деятельности	6,9	8,4	15,2	5,3
Повышение уровня своего образования	11,6	8,4	6,1	17,1
Хорошие отношения с родителями	20,6	18,1	18,2	27,7
Уважение окружающих	19,1	25,3	21,2	16,1

подростков. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что первые предпочитают «хорошие отношения с родителями», в то время как «девианты» – «духовную и физическую близость с любимым человеком», «самостоятельность и независимость» – т.е. в одном случае фиксируется значимость семейной ситуации и детско-родительских отношений, а в другом – выход за ее рамки.

В ходе исследования мы также задавали школьникам вопрос, направленный на выяснение степени сформированности их жизненных планов, по которой можно судить о своеобразном переживании подросткового кризиса, новообразованием которого и является самоопределение (оформившееся представление о будущей профессии, о своем положении в системе общественных отношений и т.п.).

В целом можно отметить, что **лишь каждый пятый школьник (20,9%) имеет отчетливый образ своего будущего.** Это те подростки, для которых сама проблематика жизненного самоопределения оказывается неактуальной. Доля учащихся, выбравших вариант ответа «мои жизненные планы на сегодня еще не определены», составляет 15,7%. Значительная часть подростков (16,5%) предпочитает думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты. Иными словами, это школьники, которые придерживаются ситуативной тактики и отказываются от проработки жизненных стратегий. И, наконец, 46,9% опрошенных отмечают, что «думают о будущем, но не могут определиться». Именно для этой части подростков проблема самоопределения оказывается значимой и актуальной.

Помимо когнитивного аспекта («отчетливости планов»), важное место в структуре самоопределения занимают **эмоциональные переживания, связанные со своим будущим, успешностью самореализации.** С целью выяснения данной эмоциональной составляющей мы задавали подросткам вопрос о том, как они оценивают свои личностные перспективы. Варианты

ответов формулировались в разных эмоциональных модальностях: «оптимизм», «сомнение», «пессимизм».

Лишь половина опрошенных нами подростков (53,3%) вполне оптимистично оценивает свое будущее. Остальная же часть учащихся либо испытывает «сомнения в том, что жизнь сложится удачно» (43,2%), либо «со страхом и пессимизмом смотрит в завтрашний день» (3,5%).

Таким образом, на основании полученных данных мы можем сделать вывод о том, что **примерно для половины подростков личностное самоопределение сопряжено с переживанием негативных эмоциональных состояний.** Можно предположить, что такое «размытое» социальное самоощущение и связанные с ним отрицательные эмоции являются факторами, провоцирующими обращение подростка к девиантному поведению.

Рассмотрим теперь, как социальное самоощущение и ценностные ориентации изменяются с возрастом у «девиантных» и «нормативных» подростков.

На наш взгляд, при анализе форм поведения, связанных с риском для здоровья, следует обратить особое внимание на наличие общей возрастной тенденции, которая заключается в явной трансформации на рубеже 9-го класса (пик подросткового кризиса) социального самоощущения подростка, что выражается в увеличении неуверенности и неопределенности. Именно на этот период приходится пик приобщения школьников к курению и употреблению алкоголя, а также первые прецеденты употребления наркотиков. Это совпадение, мы полагаем, не случайно. По-видимому, оно связано с негативным переживанием кризиса, когда подросток, находясь в ситуации как социального, так и ценностного самоопределения, не имеет достаточных возможностей для профессиональной и личностной самореализации (в силу своего возраста, недостаточно высокого социального статуса и т.д.).

И здесь следует определить принципиальное различие в переживании

возрастного кризиса «девиантными» и «нормативными» подростками. Так, для значительной части подростков характерен «негативный» тип прохождения возрастного кризиса, который сопровождается социальной и личностной неопределенностью и неуверенностью, вследствие чего они и обращаются к девиантным формам поведения. Причем на более позднем возрастном этапе (11-й класс) эта неопределенность сменяется отчетливым видением своего будущего и вполне осознанным стремлением к самореализации («духовная и физическая близость с любимым человеком», «самостоятельность и независимость» и «возможность творческой деятельности»). Для другой же части подростков в течение всего возрастного этапа с 7-го по 11-й класс характерна определенная ригидность ценностной структуры, оценки своих личностных перспектив и жизненных планов. Кроме того, переживание кризиса у них не связано с обращением к девиантным формам поведения, однако по прохождении этой стадии развития у «нормативных» подростков не формируется столь четкой установки на личностную самореализацию, как у «девиантов».

И в этой связи, на наш взгляд, необходимо зафиксировать **особую психолого-педагогическую задачу по созданию специальных социальных программ**, направленных на облегчение формирования личностного самоопределения подростка, на повышение его социальной уверенности, а также на удержание подростка в рамках нормативного поведения.

Владимир Самуилович Собкин – доктор психол. наук, директор ЦСО РАО, академик РАО;

*Зинаида Борисовна Абросимова,
Дмитрий Владимирович Адамчук,
Елена Валерьевна Баранова – научные
сотрудники ЦСО РАО, г. Москва.*